

Дикая утка

Автор:

Генрик Ибсен

Дикая утка

Генрик Ибсен

«В доме Верле. Роскошно и комфортабельно обставленный кабинет: шкафы с книгами, мягкая мебель, посреди комнаты письменный стол с бумагами и конторскими книгами, на лампах зеленые абажуры, смягчающие свет. В средней стене открытые настежь двери с раздвинутыми портьерами. Через двери видна большая, изящно обставленная комната, ярко освещенная лампами и бра. Впереди направо, в кабинете, оклеенная обоями маленькая дверь, ведущая в контору.

Впереди налево камин, в котором пылают уголья, а подальше, в глубине, двустворчатые двери в столовую. Слуга коммерсанта Петтерсен, в ливрее, и наемный лакей Йенсен, в черном фраке, прибирают кабинет. Во второй большой комнате видны еще двое-трое наемных лакеев, которые также прибирают, зажигают огни. Из столовой доносится шумный говор и смех многочисленного общества, затем слышится звяканье ножа о стакан. Наступает тишина; кто-то провозглашает тост, раздаются крики: „Браво!“ и снова шум и говор...»

Генрик Ибсен

Дикая утка

Драма в пяти действиях

Действующие лица

Верле, крупный коммерсант, фабрикант и т. д.

Греггерс Верле, его сын.

Старик Экдал.

Ялмар Экдал, сын старика, фотограф.

Гина Экдал, жена Ялмара.

Хедвиг, их дочь, четырнадцати лет.

Фру Берта Сербю, заведующая хозяйством у Верле.

Реллинг, врач.

Молвик, бывший богослов.

Гроберг, бухгалтер.

Петтерсен, слуга Верле.

Йенсен, наемный лакей.

Рыхлый и бледный господин.

Плешивый господин.

Близорукий господин.

Шестеро прочих господ, гостей Верле.

Несколько наемных лакеев.

Первое действие происходит у коммерсанта Верле, четыре следующих у фотографа Экдала.

Действие первое

В доме Верле. Роскошно и комфортабельно обставленный кабинет: шкафы с книгами, мягкая мебель, посреди комнаты письменный стол с бумагами и конторскими книгами, на лампах зеленые абажуры, смягчающие свет. В средней стене открытые настежь двери с раздвинутыми портьерами. Через двери видна большая, изящно обставленная комната, ярко освещенная лампами и бра. Впереди направо, в кабинете, оклеенная обоями маленькая дверь, ведущая в контору.

Впереди налево камин, в котором пылают уголья, а подальше, в глубине, двустворчатые двери в столовую. Слуга коммерсанта Петтерсен, в ливрее, и наемный лакей Йенсен, в черном фраке, прибирают кабинет. Во второй большой комнате видны еще двое-трое наемных лакеев, которые также прибирают, зажигают огни. Из столовой доносится шумный говор и смех многочисленного общества, затем слышится звяканье ножа о стакан. Наступает тишина; кто-то провозглашает тост, раздаются крики: «Браво!» и снова шум и говор.

Петтерсен (зажигая лампу на камине и надевая абажур). Нет, послушайте-ка, Йенсен, как старик-то наш распинается за здоровье фру Сербю.

Йенсен (выдвигая вперед кресло). Правду ль говорят люди, будто промеж них есть кое-что?

Петтерсен. Сам черт их не разберет.

Йенсен. Он таки мастер на эти дела был в свое время.

Петтерсен. Да, пожалуй.

Йенсен. Говорят, в честь сына дают обед.

Петтерсен. Да, вчера приехал.

Йенсен. А я и не слыхал, что у коммерсанта Верле есть сын.

Петтерсен. Как же, есть. Только он постоянно живет на заводе в Горной долине. В город-то он не наведывался уж сколько лет – пока я живу тут в доме.

Другой наемный лакей (в дверях второй комнаты). Послушайте, Петтерсен, тут старичок один...

Петтерсен (ворчит). А, черт их носит в такое время!

Старик Экдал показывается справа. Он в потертом пальтишке с поднятым воротником, в шерстяных варежках, в руках палка и меховая шапка, под мышкой пакет в оберточной бумаге. Темно-рыжий грязноватый парик и короткие седые усы.

(Идя к нему.) Господи... вам-то чего тут понадобилось?

Экдал (в дверях). В контору нужно, Петтерсен, необходимо.

Петтерсен. Контора уж с час как закрыта и...

Экдал. Об этом я слыхал еще у ворот, старина. Но Гроберг еще сидит там. Уж, пожалуйста, Петтерсен, пропусти меня тут. (Показывает на маленькую дверь.) Уже хаживал этой дорогой.

Петтерсен. Ну, уж проходите. (Открывает дверь.) Только запомните: назад извольте настоящим ходом. У нас гости.

Экдал. Знаю, знаю... гм! Спасибо, старина! Спасибо, дружище! (Бормочет тихонько.) Болван! (Уходит в контору.) Петтерсен затворяет за ним дверь.

Йенсен. И этот разве из конторских?

Петтерсен. Нет, так, переписывает кой-что, когда понадобится. А в свое время он, старый Экдал, тоже хват был.

Йенсен. Оно и видно, что не из простых.

Петтерсен. Н-да. Лейтенант был, представьте себе!

Йенсен. Ах, черт! Лейтенант?

Петтерсен. Уж это так. Да затеял торговать лесом или чем-то таким. Сказывают, он с нашим-то коммерсантом скверную штуку сыграл. Завод в Горной долине был прежде их общий, понимаете? Я его хорошо знаю, старика-то. Нет, нет, да и пропустим с ним по рюмочке горькой или разопьем по бутылочке баварского в заведение у мадам Эриксен.

Йенсен. Ну, кажись, ему-то не из чего угощать.

Петтерсен. Господи, да вы же понимаете, не он меня, а я его угощаю! По-моему, следует уважить благородного человека, с которым стряслась такая беда.

Йенсен. Он, что же, обанкротился?

Петтерсен. Нет, похуже того. Он ведь в крепости отсидел.

Йенсен. В крепости?

Петтерсен. Или в тюрьме. (Прислушиваясь.) Тсс! Встают из-за стола.

Двери из столовой распахиваются изнутри двумя лакеями. Первой выходит фру Сербю, беседуя с двумя господами. За ними понемногу выходят остальные, в том

числе и сам Верле. Последними идут Ялмар Экдал и Греггерс Верле.

Фру Сербю (мимоходом). Петтерсен, кофе подадите в концертную залу.

Петтерсен. Слушаю, фру Сербю.

Фру Сербю с двумя собеседниками проходят во вторую комнату и там сворачивают направо. За ними следуют Петтерсен и Йенсен.

Рыхлый и бледный господин (плешивому). Уф!.. Вот так обед!.. Задали работу!

Плешивый. О, просто невероятно, что можно сделать при добром желании в каких-нибудь три часа.

Рыхлый. Да, но после, но после, милейший камергер!..

Третий господин. Говорят, кофе и мараскин подадут в концертную залу.

Рыхлый. Bravo! Так, может быть, фру Сербю нам что-нибудь сыграет?

Плешивый (вполголоса). Как бы она вскоре не сыграла с нами какой-нибудь шуточки.

Рыхлый. Не-ет, Берта не бросит своих старых друзей!

Смеясь, оба проходят в другую комнату.

Верле (вполголоса, озабоченно). Надеюсь, никто не заметил, Греггерс?

Греггерс (глядит на него). Чего?

Верле. И ты не заметил?

Грегерс. А что было замечать?

Верле. Нас сидело за столом тринадцать.

Грегерс. Вот как? Тринадцать?

Верле (взглянув на Ялмара Экдала). Вообще-то мы ведь привыкли всегда рассчитывать на двенадцать персон... (Остальным гостям.) Прошу вас, господа. (Уходит с остальными гостями, исключая Грегерса и Ялмара Экдала, во вторую комнату направо.) Ялмар (слышавший разговор). Не следовало бы тебе присылать мне приглашение, Грегерс.

Грегерс. Еще что! Гостей ведь, говорят, сзывали ради меня, а я бы не позвал своего лучшего, единственного друга?..

Ялмар. Да, но отцу твоему это, кажется, не понравилось. Я вообще ведь не бываю здесь в доме.

Грегерс. Да, да, я слышал. Но надо же мне было повидаться с тобой, поговорить. Я, верно, скоро опять уеду... Да, мы с тобой старые товарищи, однокашники, а вот как разошлись наши пути. Лет шестнадцать-семнадцать не видались.

Ялмар. Разве столько?

Грегерс. Конечно. Ну, как же тебе живется? На вид хорошо. Ты почти раздобрел, таким солидным стал.

Ялмар. Гм, положим, солидным меня вряд ли можно назвать, но, разумеется, я несколько возмужал с тех пор.

Грегерс. Да, да. Наружность твоя не пострадала.

Ялмар (несколько мрачно). Зато внутри какво! Там, поверь, совсем иное! Ты ведь знаешь, какое ужасное несчастье разразилось над нами за то время, что мы

с тобой не видались.

Грегерс (понижив голос). Что отец твой теперь?

Ялмар. Не будем говорить об этом, дорогой мой. Мой бедный, несчастный отец, конечно, живет у меня. Больше у него ведь и нет никого на свете, у кого он мог бы жить. Но, знаешь, мне невыносимо тяжело говорить об этом. Расскажи лучше, как тебе жилось там, на заводе. Грегерс. Чудесно, – полное уединение, можно было вволю думать и размышлять о многом и многом... Иди сюда, устроимся поуютнее. (Садится в кресло у камина и усаживает Ялмара в другое рядом.)

Ялмар (растроганно). Тебе, во всяком случае, спасибо, Грегерс, за то, что ты пригласил меня отведать хлеба-соли у твоего отца. Теперь я вижу, что ты ничего больше не имеешь против меня.

Грегерс (с удивлением). Откуда ты взял, что я имел против тебя что-нибудь?

Ялмар. Ну, в первое время все-таки имел.

Грегерс. В какое первое время?

Ялмар. После того крупного несчастья. Оно и понятно... с твоей стороны.

Ведь и твоего отца чуть-чуть не втянули тогда в... во все эти ужасные истории.

Грегерс. Так поэтому я должен был сердиться на тебя? Кто тебе вбил это в голову?

Ялмар. Да уж я знаю, Грегерс. Твой отец сам мне говорил.

Грегерс (пораженный). Отец! Вот что! Гм... Так это потому ты с тех пор ни разу и не дал мне знать о себе... ни единым словом?

Ялмар. Да.

Грегерс. Даже когда решил стать фотографом?

Ялмар. Отец твой говорил, что лучше не писать тебе ни о чем.

Грегерс (глядя перед собой в пространство). Да, да, пожалуй, он был прав... Но скажи мне теперь, Ялмар... доволен ли ты своим положением?

Ялмар (слегка вздохнув). Да-а, в сущности, не могу пожаловаться. Сначала-то, как можешь догадаться, мне немножко было не по себе. Совсем ведь в иные условия жизни попал. Да и вообще все пошло по-иному. Это крупное несчастье с отцом, разорение... стыд и позор, Грегерс...

Грегерс (содрогаясь). Да-да, да-да.

Ялмар. Нечего было и думать продолжать образование. У нас ни гроша не осталось. Напротив. Даже еще долги обнаружили. Главным образом твоему отцу, кажется...

Грегерс. Гм...

Ялмар. Ну, я и рассудил, знаешь, что лучше всего разом порвать со всеми старыми связями и отношениями. Это особенно советовал мне твой отец. А так как он выказал такую готовность поддержать меня...

Грегерс. Отец?

Ялмар. Да, ты же знаешь. А то откуда бы мне было взять денег, чтобы изучить дело и открыть фотографию? Это ведь недешево стоит.

Грегерс. И на все это дал денег отец?

Ялмар. Ну да, мой милый. Или ты не знаешь? Я так его понял, что он обо всем писал тебе.

Грегерс. Ни единого слова о том, что это он все устроил. Забыл, должно быть. Мы с ним вообще обменивались только чисто деловыми письмами. Так, значит, это отец все!..

Ялмар. Конечно; он только не хотел, чтобы люди об этом знали. Но это был он. Он дал мне возможность и жениться. Или... ты и этого не знал?

Грегерс. Нет, и этого не знал. (Потрепав его по плечу.) Дорогой Ялмар, я не могу тебе высказать, как все это меня радует... и мучит. Пожалуй, все-таки я был несправедлив к отцу... в некоторых отношениях. Выходит, что у него есть сердце. Словно, видна совесть...

Ялмар. Совесть?!..

Грегерс. Ну да, назови, как хочешь. Нет, право, я даже слов не нахожу выразить, как меня радует все, что ты сейчас рассказал мне об отце... Так ты женат, Ялмар. Это больше, чем мне когда-нибудь удастся достигнуть. Ну, надеюсь, ты счастлив в браке?

Ялмар. И еще как! Такая славная, дельная женщина, что лучше и желать нельзя. И не то чтобы уж совсем необразованная.

Грегерс (несколько удивленно). Ну, конечно.

Ялмар. Знаешь, сама жизнь воспитывает. Ежедневное общение со мной... И еще у нас бывает кое-кто – люди даровитые... Право, ты бы и не узнал теперь Гину.

Грегерс. Гину?

Ялмар. Да, милый мой, или ты забыл, что ее зовут Гиной?

Грегерс. Кто, кого зовут Гиной? Я ведь и не знаю вовсе...

Ялмар. Неужто ты не помнишь, что она одно время служила здесь в доме?

Грегерс (глядя на него). Так это Гина Хансен?..

Ялмар. Разумеется, Гина Хансен.

Грегерс. Которая вела здесь хозяйство последний год, когда мать слегла?

Ялмар. Вот, вот. Но, дорогой друг, я же знаю наверное, что отец твой писал тебе о моей женитьбе.

Грегерс (встав с кресла). Да, писал... но не написал, что... (Ходит по комнате.) Постой... может быть, все-таки... если припомню хорошенько... Отец ведь пишет всегда мне так кратко. (Присаживается на ручку кресла.) Слушай, Ялмар, скажи... это так интересно... скажи, как ты познакомился с Гиной... с твоей женой?

Ялмар. Да очень просто. Гина недолго оставалась у вас в доме. Очень уж трудно, хлопотливо было. Мать твоя слегла... Ну, Гине не под силу стало справляться, она и отказалась. Это было за год до смерти твоей матери... или в тот же год...

Грегерс. В тот же. А я был тогда уже на заводе. Ну, потом?

Ялмар. Потом Гина жила со своей матерью, мадам Хансен. Тоже дельная была, работающая женщина. Она держала маленькую столовую да одну комнатку сдавала внаймы. Славная такая была комнатка, чистая, уютная.

Грегерс. И тебе, пожалуй, как раз посчастливилось снять эту комнатку?

Ялмар. Да-а; это опять твой отец указал мне. Ну и вот... видишь ли... тогда-то я, собственно, и познакомился с Гиной.

Грегерс. И посватался к ней?

Ялмар. Да. Молодым людям долго ли влюбиться?.. Гм...

Грегерс (встает и прохаживается). Скажи мне... когда ты посватался... не тогда ли отец и дал тебе... то есть я хочу спросить – ты тогда и начал изучать фотографирование?

Ялмар. Вот, вот. Мне ведь очень хотелось устроиться, чем скорее, тем лучше. И мы оба с твоим отцом решили, что вернее и легче всего мне взяться за это дело. Гина тоже была согласна. Тут, видишь ли, присоединилось еще одно обстоятельство, такое счастливое совпадение, что Гина умела ретушировать...

Грегерс. Удивительно удачно все складывалось!

Ялмар (вставая с довольным видом). Не правда ли? Удивительно удачно!

Грегерс. Да, признаюсь. Отец сыграл для тебя роль как бы провидения.

Ялмар (растроганный). Он не покинул сына своего старого друга в час нужды. Сердечный человек твой отец.

Фру Сербю (выходит из другой комнаты под руку с Верле). Без разговоров, милейший коммерсант. Нечего вам там расхаживать да глядеть на огни, вам это вредно.

Верле (выпуская ее руку и проводя рукой по глазам). Да, пожалуй, вы правы.

Петтерсен и Йенсен входят с подносами.

Фру Сербю (обращаясь к гостям во вторую комнату). Прошу вас, господа! Кто желает стакан пунша, пусть потрудится пожаловать сюда!

Рыхлый господин (подходя к ней). Но, бог мой, правда ли, что вы упразднили благословенную свободу курения?

Фру Сербю. Да, здесь, в апартаментах коммерсанта, курить воспрещается, господин камергер.

Плешивый господин. Когда это вы включили столь суровые ограничения в закон о курении, фру Сербю?

Фру Сербю. С прошлого обеда, господин камергер. Некоторые позволили себе преступить границы.

Плешивый господин. А разве это отнюдь не дозволяется – чуточку преступать границы, фру Берта? В самом деле отнюдь?..

Фру Сербю. Отнюдь, камергер Балле. Ни в каком смысле.

Большая часть гостей собралась в кабинете; слуги обносят их пуншем.

Верле (Ялмару, стоящему у стола). Что это вы тут штудируете, Ялмар?

Ялмар. Просто альбом, господин Верле.

Плешивый господин (бродя по комнате). А, фотографии! Это как раз по вашей части!

Рыхлый господин (в кресле). Вы не захватили с собой чего-нибудь из своих работ?

Ялмар. Нет, ничего.

Рыхлый господин. Следовало бы. Для пищеварения хорошо посидеть так, поглядеть картинки.

Плешивый господин. Тут и тема для разговоров всегда подвернется.

Близорукий господин. А всякая лепта принимается с благодарностью.

Фру Сербю. Камергеры полагают, что если кого приглашают на обед, тот должен постараться отработать за хлеб-соль, господин Экдал.

Рыхлый господин. В доме, где так хорошо кормят, это – наслаждение!

Плешивый господин. Боже мой! Когда дело идет о борьбе за существование, то...

Фру Сербю. Вы правы!

Продолжают разговор, пересыпаемый смехом и шутками.

Греггерс (тихо). Прими же участие в разговоре, Ялмар.

Ялмар (пожимаясь). О чем мне говорить?

Рыхлый господин. По-вашему, господин Верле, следует считать токайское до известной степени полезным для желудка?

Верле (у камина). За токайское, которое вы сегодня пили, во всяком случае, смею поручиться. Один из самых удачных выпусков. Да вы, кажется, и оценили?

Рыхлый господин. Да, удивительно тонкое.

Ялмар (неуверенно). А разве вино выпускается не всегда одинаковое?

Рыхлый господин (смеясь). Нет, вы бесподобны!

Верле (улыбаясь). Таких знатоков не стоит и угощать тонкими винами.

Плешивый господин. Токайское, как ваши фотографии, господин Экдал, нуждается в солнце. Для фотографий ведь необходим солнечный свет, не так ли?

Ялмар. Да, свет, конечно, много значит.

Фру Сербю. С фотографиями дело обстоит совершенно так же, как с камергерами. Им тоже, говорят, ужасно необходимо «солнце».

Плешивый господин. Фи, фи! Избитая острота!

Близорукий господин. Барыня прохаживается...

Рыхлый господин. Да еще на наш счет! (Грозит ей.) Фру Берта, фру Берта!

Фру Сербю. Да, но ведь это сущая правда, что выпуски могут сильно розниться. Старейшие – самые лучшие.

Близорукий господин. Меня вы к старым причисляете?

Фру Сербю. Ну нет.

Плешивый господин. Вот как! А меня, милейшая фру Сербю?..

Рыхлый господин. А меня? К какому выпуску нас причислите?

Фру Сербю. Вас, господа, я причислю к сладким выпускам. (Отпивает из стакана с пуншем.)

Камергеры смеются и шутят с ней.

Верле. Фру Сербю всегда сумеет вывернуться, если захочет. Не давайте же стаканам застаиваться, господа!.. Петтерсен, посматривайте! Греггерс, нам с тобой надо бы чокнуться.

Греггерс не шевелится.

И с вами тоже, Экдал. За столом как-то не пришлось. Из маленькой двери выглядывает бухгалтер Гроберг.

Гроберг. Извините, господин Верле, но я не могу выбраться.

Верле. Что же, вас опять заперли?

Гроберг. Да, и Флакстад ушел с ключами.

Верле. Так проходите.

Гроберг. Но тут еще есть один...

Верле. Проходите, проходите оба, не стесняйтесь.

Гроберг и старик Экдал выходят из конторы. У Верле невольно вырывается досадливый возглас. Смех и говор гостей смолкают. Ялмара передергивает при виде отца, он поспешно ставит стакан на стол и поворачивается лицом к камину.

Экдал (проходит, не поднимая глаз, отрывисто кивая на обе стороны и бормоча).
Прошу извинения. Не туда попал. Ворота закрыты... ворота закрыты. Прошу извинения! (Уходит вслед за Гробергом во вторую комнату направо.)

Верле (сквозь зубы). Дернуло этого Гроберга!..

Грегерс (уставившийся с открытым ртом на Ялмара). Да не может быть!..

Рыхлый господин. Что такое? Кто это был?

Грегерс. Никто. Просто бухгалтер и еще человек.

Близорукий господин (Ялмару). Вам он знаком?

Ялмар. Не знаю... не обратил внимания...

Рыхлый господин (встает). Да что же случилось, черт возьми? (Подходит к группе других гостей, беседующих вполголоса.)

Фру Сербю (шепчет Петтерсену). Суньте ему там что-нибудь получше.

Петтерсен (кивая). Слушаю. (Уходит.)

Греггерс (тихо, взволнованно Ялмару). Так это был он?

Ялмар. Да.

Греггерс. И ты сказал, что не знаешь его?

Ялмар (с горячностью, шепотом). Да как же я мог!..

Греггерс. ...Признать своего отца?

Ялмар (горестно). Ах, побывал бы ты на моем месте!

Перешептывание и тихий говор между гостями сменяются вдруг деланно громким разговором.

Плешивый господин (приближаясь к Греггерсу и Ялмару, дружеским тоном). А! Обновляете старые воспоминания из времен студенчества? Что?.. Вы курите, господин Экдал? Хотите огоньку? Ах да, ведь тут нельзя...

Ялмар. Благодарю, я не...

Рыхлый господин. Не почитаете ли вы нам какие-нибудь хорошенькие стишки, господин Экдал. Прежде, я помню, вы премило декламировали.

Ялмар. К сожалению, теперь ничего не припомню.

Рыхлый господин. Жаль, очень жаль. Ну, так что же бы нам придумать, Балле?

Оба прохаживаются по кабинету, потом направляются во вторую комнату.

Ялмар (мрачно). Греггерс... я уйду! Тот, над чьей головой разразился сокрушающий удар судьбы, видишь ли... Передай мой поклон твоему отцу.

Греггерс. Хорошо. Ты прямо домой?

Ялмар. Да. А что?

Греггерс. Я, может быть, загляну к тебе потом.

Ялмар. Нет, не надо. Ко мне не надо. Невесел угол мой, Греггерс... особенно после такого блестящего пиршества... Мы всегда можем повидаться где-нибудь в другом месте.

Фру Сербю (подходя, вполголоса). Вы уходите, Экдал?

Ялмар. Да.

Фру Сербю. Кланяйтесь Гине.

Ялмар. Благодарю.

Фру Сербю. И скажите, что я как-нибудь на днях загляну к ней.

Ялмар. Благодарю. (Греггерсу.) Не провожай меня. Я хочу уйти незаметно.

(Медленно, словно прохаживаясь, направляется во вторую комнату и уходит направо.)

Фру Сербю (тихо Петтерсену, который вернулся). Ну, дали что-нибудь старику?

Петтерсен. Как же. Сунул ему в карман бутылку коньяку.

Фру Сербю. Не нашли ничего получше.

Петтерсен. Он лучше-то ничего и не знает, фру Сербю.

Рыхлый господин (в дверях, с нотами в руках). Не сыграем ли мы с вами в четыре руки, фру Сербю?

Фру Сербю. Хорошо, пойдете.

Гости. Bravo, bravo!

Фру Сербю и все гости уходят во вторую комнату направо. Грегерс остается у камина. Верле ищет что-то на письменном столе, по-видимому, выжидая, чтобы Грегерс ушел, но последний не шевелится, и Верле сам направляется к дверям.

Грегерс. Отец, нельзя ли уделить мне минутку?

Верле (останавливаясь). Что тебе?

Грегерс. Мне надо сказать тебе пару слов.

Верле. Нельзя ли отложить, пока мы останемся одни?

Грегерс. Нет, нельзя. Может быть, выйдет так, что нам с тобой и не придется больше остаться одним.

Верле (подходя ближе). Что это значит?

В течение следующей беседы из залы глухо доносятся звуки фортепиано.

Грегерс. Как можно было дать этой семье так опуститься!

Верле. Ты, вероятно, говоришь о семье Экдала, насколько я понимаю.

Грегерс. Именно. Лейтенант Экдал когда-то был очень близок с тобой.

Верле. К сожалению, слишком даже близок. И мне годами пришлось расплачиваться за это. Ему я обязан, что на мое доброе имя легло что-то вроде пятна.

Грегерс (тихо). А он действительно был один виноват?

Верле. Кто же еще, по-твоему?

Грегерс. Но вы ведь затеяли эту скупку лесов сообща...

Верле. Да, но разве не Экдал снимал планы участков... неверные планы? Это он затеял незаконную порубку на казенной земле. Это он же и заведовал всем делом. Я был в стороне и даже не ведал, что там творил лейтенант Экдал.

Грегерс. Лейтенант Экдал и сам-то, верно, не ведал, что творил.

Верле. Может статья. Но факт тот, что он был осужден, а я оправдан.

Грегерс. Знаю, что улики против тебя не оказались.

Верле. Оправдан – значит оправдан. Но с чего ты вздумал копаться в этих старых дрязгах, от которых я поседел раньше времени? Пожалуй, вот о чем ты размышлял все эти годы на заводе? Могу тебя заверить, Грегерс, у нас в городе все эти истории давным-давно забыты... поскольку они касались меня.

Грегерс. А несчастная семья Экдала?..

Верле. Да что же, по-твоему, следовало мне сделать для них? Когда Экдал вышел на свободу, он был уже человек сломленный, совершенно беспомощный. Есть такие, люди, которые сразу идут ко дну, как только им попадет пара дробинок в тело, и никогда уж не всплывают больше наверх. Поверь моему слову, Грегерс, для старика Экдала я сделал все, что только позволяли обстоятельства... что мог сделать, не давая пищи разным подозрениям и пересудам...

Греггерс. Подозрениям?.. Ну да, разумеется.

Верле. Я велел давать старику переписку из конторы и плачу ему куда дороже, чем стоит его работа...

Греггерс (не глядя на отца). Гм... в этом я не сомневаюсь.

Верле. Ты смеешься? Пожалуй, не веришь моим словам? По книгам, разумеется, этого проверить нельзя, таких расходов я никогда не заносу.

Греггерс (с холодной усмешкой). Н-да, пожалуй, бывают расходы такого рода, что самое лучшее их не заносить.

Верле (пораженный). К чему ты это клонишь?

Греггерс (собранный с духом). Ты занес в книги расход по обучению Ялмара Экдала фотографированию?

Верле. Я? Занес ли?

Греггерс. Я теперь знаю, что ты взял этот расход на себя. И знаю также, что ты не поскупился дать молодому Экдалу возможность завести дело, устроиться.

Верле. Вот видишь, а еще говорят, что я ничего не сделал для Экдала! Могу тебя заверить, эти люди стоили мне порядочно.

Греггерс. А ты занес в книги хоть некоторые из этих расходов?

Верле. К чему ты задаешь такие вопросы?

Греггерс. О, на то есть свои причины. Слушай, скажи мне... твое горячее участие к сыну твоего старого друга... началось как раз с того времени, когда он вздумал жениться?

Верле. Какого черта!.. Где мне помнить это через столько лет?..

Грегерс. Ты мне писал тогда, – чисто деловое письмо, разумеется, – и в приписке вкратце упомянул, что Ялмар Экдал женился на фрекен Хансен.

Верле. Ну да, ее так и звали.

Грегерс. Но ты не упомянул, что эта фрекен Хансен была Гина Хансен, наша бывшая экономка.

Верле (принужденно-насмешливо). Я не знал, что ты особенно интересовался нашей бывшей экономкой.

Грегерс. Я и не интересовался. Но... (понижая голос) кажется, другие здесь в доме очень интересовались ею.

Верле. Что ты хочешь сказать? (Вспылив.) Не на меня же ты намекаешь?

Грегерс (тихо, но твердо). Да, я на тебя намекаю.

Верле. И ты смеешь!.. Осмеливаешься!.. А этот неблагодарный, этот фотограф... как смеет он взводить подобные обвинения!

Грегерс. Ялмар ни единым словом не коснулся этого. Не думаю, чтобы у него было хоть малейшее подозрение.

Верле. Так откуда же ты взял? Кто мог тебе сказать подобное?

Грегерс. Моя бедная, несчастная мать. Она мне сказала это, когда я в последний раз виделся с ней.

Верле. Твоя мать! Этого и надо было ожидать. Вы с ней всегда были заодно. Она и восстановила тебя против меня с самого начала.

Грегерс. Нет, не она, а ее муки и страдания – все, что сломило ее и привело к злополучному концу.

Верле. О, ей вовсе не из-за чего было так страдать и мучиться; во всяком случае, причин у нее было не больше, чем у многих других! Но с болезненными, экзальтированными особами не сговоришься. Я это достаточно испытал... И вот ты теперь носишься с подобными подозрениями... роешься в куче старых пересудов и сплетен, позорящих твоего отца. Право, Грегерс, в твои годы пора бы уж заняться чем-нибудь более полезным.

Грегерс. Да, пожалуй, пора бы.

Верле. Тогда и на душе у тебя, может быть, стало бы светлее, чем, как видно, теперь. Ну к чему тебе корпеть там на заводе, гнуть спину как простому конторщику и отказываться брать хоть грош сверх положенного жалованья? Ведь это прямо глупо с твоей стороны.

Грегерс. Да, если бы я был уверен, что это так.

Верле. Я тебя понимаю. Ты хочешь быть независимым, не быть мне ничем обязанным. Ну вот, теперь тебе и представляется случай стать независимым, самому себе господином.

Грегерс. Вот? Как так?..

Верле. Видишь, я писал тебе, чтобы ты непременно и немедленно приехал сюда в город... ГМ...

Грегерс. Да... но что тебе, в сущности, понадобилось от меня? Я весь день ждал объяснения.

Верле. Я хочу предложить тебе вступить компаньоном в фирму.

Грегерс. Мне? В твою фирму? Компаньоном?

Верле. Да. Нам не пришлось бы из-за этого постоянно бывать вместе. Ты мог бы вести дела здесь, в городе, а я переехал бы на завод.

Грегерс. Ты?

Верле. Видишь ли, я теперь уж не такой работник, как прежде. Приходится беречь глаза, Грегерс: что-то слабы стали.

Грегерс. Ну, это всегда было.

Верле. Не так, как теперь. Да и кроме того... по некоторым соображениям... я мог бы, пожалуй, предпочесть перебраться туда... хоть на время.

Грегерс. Вот чего никогда бы не подумал.

Верле. Слушай, Грегерс. Мы с тобой во многом и многом не сходимся. Но все же мы с тобой – отец и сын. И, право, мы могли бы прийти к какому-нибудь соглашению.

Грегерс. То есть с виду?

Верле. Да, хотя бы так. Подумай же насчет этого, Грегерс. По-твоему, это возможно? А?

Грегерс (холодно смотрит на него). Тут что-то кроется.

Верле. То есть как это?

Грегерс. Я тебе для чего-то нужен.

Верле. При столь тесных узах, как наши, надо полагать, один всегда нуждается в другом.

Грегерс. Да, говорят.

Верле. И я бы очень хотел, чтобы ты теперь побыл дома некоторое время. Я одинок, Грегерс. Всегда чувствовал себя одиноким, всю жизнь. Но теперь это особенно дает себя знать – старею. Мне нужно иметь подле себя кого-нибудь.

Грегерс. У тебя ведь есть фру Сербю.

Верле. Да, это верно. И я, так сказать, почти не могу обойтись без нее. У нее такой веселый нрав и ровный характер, она оживляет весь дом... а мне это очень, очень нужно.

Грегерс. Так вот, значит, у тебя и есть все, что тебе нужно.

Верле. Да, но я боюсь, что так дело не может продолжаться. Женщина в подобных условиях легко может попасть в ложное положение в глазах света. Да я готов сказать, что и для мужчины это неудобно.

Грегерс. О, если мужчина задает такие обеды, как ты, он может позволить себе кое-что.

Верле. Но она-то, Грегерс? Ее-то положение? Боюсь, что долго она не выдержит. Да если бы даже... если бы ради меня она и махнула рукой на все пересуды и сплетни... то сам посуди, Грегерс, – у тебя так сильно развито чувство справедливости...

Грегерс (прерывая его). Скажи мне коротко и ясно: ты собираешься жениться на ней?

Верле. А если бы так? Что тогда?

Грегерс. Я тоже спрошу, что тогда?

Верле. Ты был бы решительно против этого?

Грегерс. Отнюдь нет. никоим образом.

Верле. Я ведь не мог знать... Быть может, дорожа памятью покойной матери...

Грегерс. Я не страдаю экзальтацией.

Верле. Ну, как бы там ни было, ты, во всяком случае, снял с моей души тяжелый камень. Мне очень дорого заручиться в этом деле твоим сочувствием.

Греггерс (глядя на него в упор). Теперь я понимаю, для чего ты меня хотел использовать.

Верле. Использовать. Что за выражение!

Греггерс. Не будем особенно щепетильны насчет слов, по крайней мере с глазу на глаз. (С отрывистым смехом.) Так вот оно что! Вот зачем я во что бы то ни стало должен был явиться в город собственной персоной. Ради фру Сербю надо было поставить дом на семейную ногу. Табло из сына и отца! Это нечто новенькое!

Верле. Как ты смеешь говорить в таком тоне!

Греггерс. Когда тут в доме была семья? Никогда, сколько я себя помню. А теперь, видно, понадобилось создать хоть нечто в этом роде. В самом деле, как это славно будет: заговорят, что вот сын на крыльях благоговения прилетел к помолвке старика отца. Что же тогда останется от всех этих слухов о бедной покойной страдальце матери? Ни порошинки! Ее сын развеет их по ветру!

Верле. Греггерс... право, для тебя, кажется, нет на свете человека ненавистнее меня.

Греггерс (тихо). Чересчур уж близко я присмотрелся к тебе.

Верле. Ты смотрел на меня глазами своей матери. (Слегка понижая голос.) Но ты бы вспомнил, что глаза эти... бывали иногда отуманены.

Греггерс (дрожащим голосом). Я понимаю, на что ты намекаешь. Но кто виноват в несчастной слабости матери? Ты и все эти!.. Последнею была эта бабенка, с которой свели Ялмара Экдала, когда самому тебе она... о-о!..

Верле (пожимая плечами). Слово в слово, как сказала бы твоя мать.

Греггерс (не обращая на него внимания). И он, эта великая, детски доверчивая душа, по уши увяз теперь в этой лжи... Живет под одной кровлей с такой... и не знает, что его так называемый семейный очаг построен на лжи! (Делая шаг к отцу.) Как оглянусь на пройденный тобой путь, словно гляжу на поле битвы,

усеянное разбитыми человеческими жизнями.

Верле. Сдается мне, что пропасть между нами слишком уж широка.

Грегерс (овладев собой, с поклоном). Я это заметил и потому откланиваюсь... ухожу.

Верле. Уходишь? Совсем из дому?

Грегерс. Да. Теперь наконец я вижу перед собой цель жизни.

Верле. Что же это за цель?

Грегерс. Ты бы только посмеялся, узнав ее.

Верле. Кто одинок – не так легко смеется, Грегерс.

Грегерс (указывая в глубину второй комнаты). Взгляни-ка, отец, камергеры играют в жмурки с фру Сербю... Спокойной ночи... прощай! (Идет во вторую комнату и скрывается направо.)

Слышны смех и шуточные возгласы группы гостей, показавшейся во второй комнате слева.

Верле (презрительно бормочет вслед Грегерсу). Эх! Бедняга!.. А еще говорит, что не страдает экзальтацией.

Действие второе

Ателье Ялмара Экдала. Просторное помещение, видимо, переделанное из чердака. Направо идущий косым наклоном потолок с большими оконными

стеклами; они наполовину задернуты синими занавесками. В правом углу, в глубине, входная дверь, впереди же направо дверь в жилые комнаты. В левой стене тоже двое дверей, в простенке между ними железная печка. В средней стене широкие раздвижные двери. Обстановка скромная, но уютная. Между дверями направо, несколько поодаль от простенка, диван, стол и несколько стульев. На столе горит лампа под абажуром, лежат фотографии и разная мелочь, вроде кисточек, бумаги, карандашей и прочего. В углу у печки старое кресло. Там и сям расставлены и разложены фотографические аппараты и принадлежности. У средней стены, налево от раздвижных дверей, полки, на которых несколько книг, ящики и бутылки с химическими жидкостями, разные инструменты и прочее.

Гина Экдал сидит за шитьем на стуле у стола. Хедвиг на диване, заслонив глаза ладонями от лампы и заткнув уши пальцами, читает книгу.

Гина (поглядывает на дочь со скрытой тревогой, потом говорит). Хедвиг!

Хедвиг не слышит.

(Громче.) Хедвиг!

Хедвиг (отнимая пальцы от ушей). Что, мама?

Гина. Милая Хедвиг, нельзя тебе больше читать.

Хедвиг. Ах, мама, ну еще немножко! Чутьочку!

Гина. Нет, нет, отложи книгу. Отец этого не любит. Он и сам никогда не читает по вечерам.

Хедвиг (закрывая книгу). Да, папа не очень-то любит читать.

Гина (откладывает шитье и берет со стола карандаш и тетрадку). Ты не помнишь, сколько мы сегодня заплатили за масло?

Хедвиг. Крону шестьдесят пять эре.

Гина. Верно. (Записывает.) Ужаси, сколько у нас масла выходит. Да еще колбаса и сыр. Постой-ка... (Записывает.) И ветчина еще... гм... (Сводит счет.) Вот уж выходит...

Хедвиг. А пиво-то еще?

Гина. Да, само собой. (Записывает.) Становится в копеечку. А все надо.

Хедвиг. Зато нам с тобой не нужно было сегодня горячего к обеду, раз папа ушел.

Гина. Да, это кстати вышло. Да еще я получила восемь крон пятьдесят эре за карточки.

Хедвиг. Неужто столько?

Гина. Аккурат восемь крон пятьдесят!

Молчание. Гина опять принимается за шитье. Хедвиг берет карандаш и бумагу и что-то рисует, заслоняя глаза левой рукой.

Хедвиг. А ведь забавно подумать, что папа сегодня на таком большом обеде у коммерсанта Верле!

Гина. Нельзя сказать, что у коммерсанта. Это ведь сын прислал за ним. (Немного погодя.) С коммерсантом у нас нет никаких делов.

Хедвиг. Вот будет хорошо, когда папа придет. Он обещал попросить для меня у фру Сербю чего-нибудь вкусного.

Гина. Да, в этом доме найдется немало вкусных вещей, не сомневаюсь.

Хедвиг (продолжая рисовать). А я как будто и проголодалась немножко.

Старик Экдал с бумагами под мышкой и свертком в кармане пальто появляется из входной двери.

Гина. Как дедушка поздно сегодня!

Экдал. Контору заперли. Пришлось ждать у Гроберга. И потом пройти через...
гм... Хедвиг. Дали новую переписку, дедушка?

Экдал. Целую кипу. Погляди-ка. Гина. Славно.

Хедвиг. И в кармане тоже у тебя сверток.

Экдал. Что? Глупости! Ничего там нет. (Ставит палку в угол.) Работы надолго хватит, Гина. (Отодвигает одну половинку дверей в задней стене.) Тсс! (Заглядывает в глубину и снова осторожно задвигает дверь.) Хе-хе! Все прикорнули. А она забралась в корзинку. Хе-хе!

Хедвиг. А ей, наверно, не холодно в корзинке, дедушка?..

Экдал. Еще что выдумала! Холодно!.. Столько соломы! (Идет к двери в глубине налево.) У меня там есть спички?

Гина. Спички на комодке.

Экдал уходит к себе.

Хедвиг. Вот славно-то, что дедушка опять с перепиской!

Гина. Да, бедный старик, теперь хоть карманными деньгами запасется.

Хедвиг. И не станет сидеть по целым утрам в этом трактире у противной мадам Эриксен!

Гина. Да, и это тоже хорошо.

Небольшая пауза.

Хедвиг. Как ты думаешь, они все еще за столом сидят?

Гина. А бог их знает. Пожалуй.

Хедвиг. Подумай, каким вкусным обедом угощают там папу! Он, наверно, придет веселый. Правда, мама?

Гина. Да. А если бы мы еще могли порадовать его, что комната сдана!

Хедвиг. Ну, это необязательно сегодня.

Гина. Пригодилось бы. Стоит ведь без всякой пользы.

Хедвиг. Нет, я хотела сказать, что сегодня это не обязательно. Папа и так сегодня будет в духе. Лучше, если удастся порадовать его этим в другой раз.

Гина (глядит на нее). А ты любишь радовать папу по вечерам чем-нибудь таким хорошим?

Хедвиг. Да. Тогда сразу как-то веселее становится.

Гина (задумываясь). Да, да, пожалуй, так.

Старик Экдал выходит из своей комнаты и направляется к первой двери налево.

(Поворачивается к нему.) Что-нибудь надо в кухне, дедушка?

Экдал. Да, надо. А ты сиди себе. (Проходит в кухню.)

Гина. Не затеял бы с угольями возиться. (Выжидает.) Хедвиг, поди-ка погляди, чего он там...

Экдал выходит из кухни с кружкой кипятку, от которого идет пар.

Хедвиг. Ты за кипятком ходил, дедушка?

Экдал. Да. Нужно. Писать хочу, а чернила густые, как каша... Гм!..

Гина. Вы бы, дедушка, поужинали сначала. Там приготовлено ведь.

Экдал. Бог с ним, с ужином, Гина. Я ужасно занят, говорю тебе. И пусть никто ко мне не входит. Никто... Гм!.. (Уходит к себе.)

Гина и Хедвиг переглядываются.

Гина (тихо). Как ты думаешь, откуда он раздобыл денег?

Хедвиг. Верно, от Гроберга получил.

Гина. Что ты! Гроберг всегда присылает деньги мне.

Хедвиг. Так, пожалуй, в долг взял где-нибудь бутылочку.

Гина. Бедный дедушка, вряд ли ему дают в долг.

Ялмар Экдал входит в пальто и серой пуховой шляпе. Гина бросает шитье и встает.

Ах, ты уж вернулся, Экдал!

Хедвиг (одновременно, вскакивая). Подумать, папа уже пришел!

Ялмар (откладывая шляпу). Да, теперь, верно, и все почти разошлись.

Хедвиг. Так рано?

Ялмар. Да ведь званы были к обеду. (Хочет снять с себя пальто.)

Гина. Постой, я тебе помогу.

Хедвиг. И я.

Снимают с него пальто, которое Гина затем вешает на стену.

Много было гостей, папа?

Ялмар. Нет, немного. Нас было за столом персон двенадцать-четырнадцать.

Гина. И ты со всеми с ними разговаривал?

Ялмар. Да, немножко. Греггерс совсем завладел мною.

Гина. Что он, все такой же неказистый?

Ялмар. Да, не слишком хорош собой... А старик не вернулся?

Хедвиг. Как же. Сидит у себя и пишет.

Ялмар. Рассказывал что-нибудь?

Гина. Нет, что ему рассказывать?

Ялмар. Не упоминал?.. Говорили, кажется, что он был у Гроберга. Я загляну к нему.

Гина. Нет, нет, не стоит.

Ялмар. Почему? Он разве сказал, что не хочет пускать меня?..

Гина. Ему, видно, не хочется никого пускать к себе сегодня.

Хедвиг (делая знаки). Гм!.. гм!..

Гина (не замечая). Ходил в кухню за кипятком.

Ялмар. А-а! И сидит теперь и...

Гина. Да уж наверно.

Ялмар. Господи боже! Мой бедный, седовласый отец!.. Ну, пусть его сидит и наслаждается.

Старик Экдал в домашнем сюртуке и с раскуренной трубкой в руках выходит из своей комнаты.

Экдал. Вернулся? Я и то слушаю – как будто твой голос.

Ялмар. Только что пришел.

Экдал. Ты, здається, мене не видал?

Ялмар. Нет. Но там говорили, что ты прошел через... Я и хотел тебя догнать...

Экдал. Гм... Очень мило с твоей стороны!.. А что за люди были там?

Ялмар. О, разные. Камергер Флор, камергер Балле, камергер Касперсон, камергер такой-то и такой-то... не знаю всех.

Экдал (кивая). Слышишь, Гина! Все с одними камергерами сидел.

Гина. Да, видно, там теперь страсть как важно стало в доме.

Хедвиг. Что ж они, пели эти камергеры? Или читали что-нибудь вслух?

Ялмар. Нет, только вздор мололи. Хотели было меня заставить декламировать, да не тут-то было.

Экдал. Не тут-то было, а?

Гина. А ты ведь отлично мог бы.

Ялмар. Нет, не следует быть к услугам всех и каждого. (Расхаживая по комнате.) Во всяком случае, я не из таковских.

Экдал. Нет, нет, Ялмар не из таковских.

Ялмар. Не знаю, с чего бы это непременно мне занимать гостей, если я редкий раз покажусь в обществе. Пусть другие потрудятся. Эти молодчики только и делают, что переходят из дома в дом – поесть да попить. Пусть они и расплачиваются за угощение.

Гина. Но, верно, ты там этого не сказал?

Ялмар (напевая). Хо-хо-хо! Пришлось-таки и им кое-что скушать.

Экдал. Самим камергерам!

Ялмар. Не без того. (Вскользь.) Потом у нас еще вышел маленький спор насчет токайского.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/ibsen_genrik/dikaya-utka

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)